

УДК 398.61

DOI 10.25587/SVFU.2022.81.71.013

*В. В. Филиппова¹, С. В. Филиппова²***Культурные коды: репрезентация неба и небесных тел
в якутских загадках**¹Академия наук Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия²Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

E-mail: varvf@yandex.ru

E-mail: filippova_sargylana@mail.ru

Аннотация. Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение проблематики, связанной с выявлением антропоцентрического характера языка. Язык в данном контексте можно рассматривать как систему знаков, отражающих специфику восприятия и описания окружающего мира человеком. Загадки, будучи древнейшим жанром фольклора, служат ценным материалом для лингвокультурологических исследований и содержат уникальную культурно-значимую информацию о мифологических и мировоззренческих представлениях разных народов. Цель работы – определить ключевые культурные коды, вербализованные в текстах якутских космогонических загадок. Задачи: рассмотреть тексты загадок, в которых в качестве денотата выступают небо и небесные тела; выявить ключевые культурные коды, метафорически репрезентирующие небесное пространство и космические объекты; идентифицировать зашифрованные в текстах загадок мифологические представления якутов об устройстве мира, а также архаические образы космических объектов и неба. Для достижения поставленной цели нами применялись методы семантического, описательного, семиотического и интерпретационного анализа, которые в совокупности позволили идентифицировать универсальные и культурно-маркированные средства описания космических объектов. В ходе исследования были выявлены ключевые коды якутской лингвокультуры: антропоморфный, предметный и зооморфный. В паремиях зафиксирована мифологема вселенной в образе сосуда, коня-космоса; небесные тела приобретают антропоморфные и зооморфные черты; предметный и зооморфный коды актуализируют архаичную картину хозяйственного уклада якутов. Перспективы исследования заключаются в том, что полученные результаты могут быть использованы специалистами в области лингвистики, лингвокультурологии и фольклористики, интересующимися проблематикой отражения специфики национальных культур в фольклорных текстах.

Ключевые слова: загадки, якутский язык, культурный код, денотат, мифологема, антропоморфный код, зооморфный код, предметный код.

Для цитирования: Филиппова, В. В. Культурные коды : репрезентация неба и небесных тел в якутских загадках / В. В. Филиппова, С. В. Филиппова // Вестник СВФУ. 2022, №4(90). С. 118-127. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2022.81.71.013>

*V. V. Filippova¹, S. V. Filippova²***Cultural codes: Representation of the sky and celestial bodies
in Yakut riddles**¹Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia²M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

E-mail: varvf@yandex.ru

E-mail: filippova_sargylana@mail.ru

Abstract. One of the topical directions of modern linguistics refer to the studies related to the identification of anthropocentric nature of the language. In this context, language can be considered a system of signs reflecting the specifics of human perception and description of the world around. Being the most ancient genre of folklore, riddles serve as a valuable material for linguocultural research and contain unique culturally significant information about the mythological and worldview views of different peoples. The purpose of the study is to determine key cultural codes verbalized in the texts of the Yakut cosmogonic riddles. The objectives of the study were as follows: to consider texts of riddles in which the sky and celestial bodies serve as the denotation; to identify key cultural codes that metaphorically represent celestial space and space objects; as well as archaic images of space objects and the sky encrypted in the texts of riddles. To achieve the purpose, we used the methods of semantic, descriptive, semiotic and interpretive analysis. The combination of the methods mentioned above allowed identifying universal and culturally marked codes that describe space objects. In the course of the study the key codes of Yakut linguoculture were identified: anthropomorphic, object and zoomorphic. In paroemias the mythologeme of the universe is represented by a vessel, horse-cosmos; celestial bodies acquire anthropomorphic and zoomorphic features; object-related and zoomorphic codes actualize the archaic picture of the household structure of the Yakuts. The prospects of the study are the following: the results obtained can be used by specialists in linguistics, linguoculturology and folkloristics, interested in the problems of reflecting the specifics of national cultures in folklore texts.

Keywords: riddles, Yakut language, culture codes, denotation, mythologeme, anthropomorphic code, zoomorphic code, object-related code.

For citation: Filippova, V. V. Cultural codes : Representation of the sky and celestial bodies in Yakut riddles / V. V. Filippova, S. V. Filippova // Vestnik of NEFU. 2022, No. 4(90). Pp. 118–127. <https://doi.org/doi.org/10.25587/SVFU.2022.81.71.013>

Введение

Загадки как отдельный пласт народного фольклора являются уникальным материалом, содержащим культурно значимую информацию о мировоззренческих представлениях разных этнических групп. Данное утверждение относится только к классическим загадкам, которые постепенно выходят из активного употребления и извлекаются не из устного народного творчества, а из архивов и специальных изданий. Мы не включаем в состав народного фольклора шуточные вопросы, шарады, ребусы, головоломки, основная задача которых состоит в развлечении или проверке сообразительности и логических способностей «испытуемого». В настоящих загадках, произведениях народного фольклора, прослеживается ассоциативная цепь, которая ведет к закодированному в тексте объекту. Причем выбор лексических единиц, актуализирующих соответствующие образы языкового сознания, во многом зависит от особенностей национальной языковой картины мира.

В загадке объект зачастую описывается в рамках одного предложения и расшифровывается путем поиска соответствий элементам загадки. А. Стефанова указывает на тесную связь между загадкой и архетипом: загадка – это краткое, но цельное и полное описание объекта окружающего мира, это попытка запечатлеть архетип и трансформировать его в слова [1]. Исследователи также отмечают наличие связи между мифами и загадками [2–10], поскольку образы, зафиксированные в текстах загадок, основаны на древних мифологических сюжетах, которые были частично заимствованы из других культур и превратились в традиционные взгляды этноса на окружающий мир. С. П. Ойунская полагает, что загадки по своему происхождению связаны с представлениями о табу и тайной речи или архаических обрядах, а также с мифологическим и поэтическим мировоззрением [11]. Ю. М. Лотман предполагает, что одной из ключевых целей исследования загадок является расшифровка их имплицитной мифологической и ритуальной структуры [12]. Загадки, как и мифы, являются

инструментами осмысления мира, который окружает человека и лежит в его глубине [13]. Особенно ярко мировоззренческие и мифологические представления этноса прослеживаются в космогонических загадках: образы неба и космических объектов могут отождествляться как с живыми существами и сакральными объектами, так и с обычными предметами, такими, как полотно и посуда [14].

Обсуждая зашифрованные в текстах паремий объекты и характеризуя компоненты загадки как своеобразные метафоры, иносказательно описывающие (маскирующие) отгадку, многие исследователи намеренно обращаются к термину 'код'. В данном контексте коды представляют собой конвенциональную систему символов, передающих информацию о человеке и окружающем его мире, сконструированных в результате процесса категоризации и концептуализации, а именно – интерпретации мира посредством языковых средств [15]. В языках наблюдаются различия в способах и средствах кодирования объективной действительности, поскольку носители языков выделяют и различают объекты окружающего мира по-разному в соответствии с категориями, существующими в их языке [16].

В нашей работе интерпретация текста загадок происходит путем расшифровки культурного кода, репрезентирующего национальное мировидение и элементы фольклорной картины мира. Тексты загадок могут быть расширены до целостной сюжетной линии, отражающей архаические представления о мире и его устройстве, а также о происхождении и функционировании различных предметов. Это означает, что репрезентированные в паремии словесные единицы могут указывать на уникальные коды культуры и содержать информацию о мифологической структуре мира, исторических и этнографических реалиях.

Цель исследования заключается в выявлении ключевых кодов якутской культуры, репрезентирующих в текстах загадок небо и небесные тела. В качестве материала использованы якутские загадки из сборника «Саха таабырыннара. Якутские загадки» [11]. Данный систематизированный сборник с параллельным переводом на русский язык содержит 2855 паремий, собранных из более чем 80 источников (научные издания, этнографические очерки, словари, сборники загадок, журналы, материалы из архивов, рукописи фольклорных экспедиций). Для выявления культурных кодов, отражающих представления якутов о небе и небесных телах, применялись качественные методы анализа. Исследование включало следующие этапы: 1) методом сплошной выборки отобраны тексты загадок, в которых в качестве денотата выступают небо и небесные тела; 2) идентифицированы лексические единицы, репрезентирующие небесное пространство и космические объекты; 3) выявлены ключевые коды, метафорически изображающие денотаты загадок; 4) сделаны выводы о мифологических представлениях якутов, определены архаические образы космических объектов и неба. Таким образом, при изучении образов неба и космических тел в якутской культуре были использованы методы семантического, описательного, семиотического и интерпретационного анализа.

Метафорическое описание денотата загадки

Ключевая функция загадки – помочь «испытуемому» идентифицировать ее денотат. Если рассматривать денотат как знак, а текст загадки как метафорически закодированное объяснение, то необходимо принять во внимание следующий тезис: «семиотическое (знак) должно быть узнано, семантическое (речь) должно быть понято» [17]. В различных исследованиях по логике и семиотике термин 'денотат' используется как синоним понятиям 'референт', 'экстенционал' или 'обозначаемое' ('десигнат') [18]. В нашей работе, не углубляясь в существующие противоречия в области терминологии относительно вышеупомянутых терминов и следуя терминологической традиции, сформулированной в исследованиях Ю. И. Левина и С. П. Соловьевой-Ойунской, мы используем термин 'денотат' и понимаем его как ответ на загадку [19, 20]. С. П. Соловьева-Ойунская

утверждает, что денотат – это конкретный ответ, знак, который именуется предмет, качество или отношение к понятию; денотатом может являться конкретный объект или качество объекта, которое необходимо выявить [20]. Ю. И. Левин называет денотатом объект, закодированный в тексте загадки, при этом под денотатом может подразумеваться обобщенный класс объектов, а не один конкретный элемент из большого набора элементов [19].

С семантической точки зрения загадка – это жанр, в котором посредством метафоры раскрываются особенности загадываемого предмета, связанные с его внешним обликом, действием или функциями. Метафоры позволяют выявить схожие черты между различными явлениями и объектами окружающего мира. Основная цель иносказательного изображения референта заключается в том, чтобы, с одной стороны, ввести слушателя в заблуждение, а с другой – распознать новые характеристики вещи, предмета или действия. В загадке демонстрируется, что разные объекты, представленные двумя разными лексическими единицами, на самом деле похожи, если их рассматривать с другой точки зрения [21]. А. Kaivola-Bregenhøj указывает на сложность отношений между метафорическим образом и ответом, отмечая, что именно ответ является критерием для определения корректности используемой метафоры и проверки спровоцированной ею цепочки ассоциаций [6]. Таким образом, загадки являются продуктом образного мышления, оформленного в виде иносказательного произведения, в котором актуализируются функционирующие в данном языке образы сознания и связанные с ними метафоры.

З. М. Волоцкая, изучая семантику загадок, выявила следующие элементарные семантические компоненты, которые определяют структурные характеристики данного жанра: компоненты могут быть номинативными и отвечать на вопросы кто / что?; предикативные элементы описывают функцию и состояние загаданного объекта; атрибутивные указывают характерные черты; локативные и темпоральные указывают на место и время функционирования и т. д. [22]. В структуре загадки выделяют минимальную единицу – описательный элемент, включающий тему ('topic') и комментарий. Темой называется предполагаемый 'референт', то есть описываемый объект, комментарием – описание объекта, характеризующее его формы, функции или действия [23]. В загадках могут содержаться упоминания количественных особенностей загаданного предмета, сравнения с другими объектами, цветовые и функциональные характеристики [2]. Структурно-семантические особенности загадки предполагают наличие в ней двух типов описания – образного и реального (буквального), что позволяет идентифицировать объект, репрезентируемый в тексте, на основе образного переноса и указания его «реальных» качеств, действий, взаимоотношений с другими объектами, функционирования его в пространстве и времени. Необходимо отметить, что в нашем исследовании мы не рассматриваем структурные особенности якутских загадок и проблематику их классификации по семантическим и тематическим признакам, основным объектом нашего исследования являются репрезентирующие денотат лексические единицы, которые рассматриваются нами как своеобразные коды культуры, отражающие специфику языковой картины мира и мифологического мировоззрения якутов.

Ключевые коды в якутских космогонических загадках

Метод сплошной выборки при анализе сборника якутских загадок С. П. Ойунской позволил нам выявить 274 текста загадок о 38 космических объектах. Семантический анализ лексических единиц позволил определить, что в данных текстах в качестве ключевых актуализируются антропоморфный, предметный и зооморфный культурные коды. Начнем с описания антропоморфного кода. В якутской культуре все предметы и явления окружающего мира имели дух *иччи* и считались живыми, что подтверждается в исследовании В. Л. Сорошевского «Якуты» [24]. Традиция отразилась и в загадках через

применение антропоморфного кода: денотат приобретает свойственные для человека качества (могучий, быстрый, стеснительный и др.), выполняет определенные действия из бытовой жизни (украшает, разбрасывает, пасёт, играет, учит и др.), наречен именем собственным, зачастую имеет социальный статус. Так, антропоморфный код представлен в паремиях гендерно- и статусно-маркированными терминами родства: *кыыс / дочь, девушка; уол / сын, юноша; оёо / ребенок; эдьиий, аёас / старшая сестра; балты, балыс / младшая сестра; убай / старший брат; ийэ / мать*. В загадках о луне и солнце через термины родства отражается главенство дневного светила над ночным: *Аёаһа иһэрин көрдөбүнэ, балта саһан хаалар баар үһү / Говорят, заведев старшую сестру, младшая сестра прячется-скрывается* [11, с. 31]; *Балта кэллэбинэ убайа саһан хаалар үһү / Говорят, как только сестра приходит, брат сразу прячется* [11, с. 38]. В данных загадках антропоморфный код сочетается с функциональным, акцентируя внимание на очередности появления объектов в пространстве. Совокупность используемых кодов указывает на главенство солнца, единство происхождения (наличие родственных связей), локуса и действия.

В качестве самостоятельного образа иногда фигурирует имя собственное, наделяющее загадываемый предмет уникальными, характерными свойствами. К примеру, имена *Эргэл-Дьэргэл / Непоседа* и *Чамаан кылыһымт / Чаман-прыгун* олицетворяют северное сияние и марево. Лексическая единица *чамаан* обозначает ‘хвастливый’, ‘широкий’, ‘просторный’, происходит от слова *чап*, *чабыланы* ‘хвастовство’ [25, стлб. 3566, 3573]. Особую окраску северному сиянию придает номинация ‘прыгун’, которая основана на свойствах колебания оптического явления в воздухе. Указанные примеры имен образно характеризуют природное явление, сравнивая его с мельканием, активным движением в пространстве и наделяя таким антропоморфным качеством, как хвастовство.

Антропоморфным образом неба является старушка Сапыскан: *Сапыскаан эмээхсин дьааһыгын аннын туох да билбэт үһү / Говорят, дно ящика старухи Сапыскан никто не знает* [11, с. 24]. В загадке сопутствующими кодами являются предметный и пространственный, которые в совокупности с антропоморфным иносказательно отсылают к модели мира, представляемой в облике вместилища с необъятным дном-пространством. Антропоним происходит от слова ‘сап’ – закрывать, прикрывать. Образ крышки, зашифрованный в имени Сапыскан, аналогичен изображениям куполообразных небес в якутских сказках, которые «по окружности или краям сходятся с землей, которая, в свою очередь, по краям постепенно поднимается вверх» [26, с. 10].

Многочисленны загадки, в которых небосвод представлен в виде крышки или опрокинутых, покатых, выпуклых ведра или чаши: *Балабан урдүгэр солуур умса сытар үһү / Говорят, над балаганом опрокинутое ведро лежит; Көлөһүңкүйбэт күөх ыаһыйа баар үһү / Говорят, есть синее ведро, которое не грязнится; Дьиз урдүгэр үңкүр чааскы түңнэстэ сытар / Над юртой покатая чаша, опрокинувшись, лежит* [11, с. 23]. В данных загадках ключевым является предметно-бытовой код, который, сочетаясь с пространственным и цветовым кодами, репрезентирует архаическую модель Вселенной. Пространственный код реализуется через номинации жилища, над которыми расположились предметы быта, указывая на их принадлежность к определенному локусу – Среднему и Верхнему мирам.

Предметно-бытовой код иносказательно описывает не только небо, но и небесные тела, например, метафорическое изображение солнца осуществляется посредством лексики, обозначающей посуду округлой формы: *көңүлүнэн устар көмүс кытыйа / свободно плывущая золотая чаша; бүтүн хамыйах / целая поварешка; көмүс кытах / золотая чаша; көмүс тэриэлкэ / золотая тарелка; булүүһэ / блюдец; ыаёас, ыаёайа / берестяное ведро; кытыйа / чаша; кытах / чаша; чабычах / берестяной сосуд* и др. Важно отметить, что при описании солнца предметно-бытовой код часто дополняется цветовой характеристикой денотата *көмүс* (золотой), в то время, как в паремиях о луне аналогичные метафоры

сочетаются с цветовым кодом *алтан* (медный). Таким образом, противопоставление солнца и луны реализуется через цветовые коды *золотой* и *медный*, вступающие в данном контексте в оппозиционные отношения.

В якутских паремиях солнце и луна также описываются через образ ковша со свойствами целостности и щербатости соответственно. Образ целого ковша связан с ритуалом окропления кумысом огня и земли на летнем торжестве Ысыах, выражающем благодарность верхним божествам. Солнце в фольклоре якутов символизирует начало, дарующее жизнь, и благо для всего живого. Луна, образно связанная с потусторонним Нижним миром, имеет отношение к темным силам, из-за которых происходит убыток (сравнение с убыванием луны): *Балаҕан үрдүгэр кэлтэгэй хамыйах сытар үһү / Над балаганом лежит щербатая поварёшка* [11, с. 35]; *Халдыаайыга хампарыйбыт чабычах баар үһү / Говорят, на горе лежит помятый чабычах* [11, с. 37].

В якутских космогонических загадках предметно-бытовой код представлен не только образами посуды, но и через метафору одежды, предметов шитья и украшений, что объясняется традиционной художественно-ремесленной деятельностью якутов (декоративно-прикладное искусство, шитьё). Сходство с денотатом обусловлено указанием на форму, отсылающую к мифологическим представлениям о небе и звездах: *Күөх сон бүтүн аан дойдуну бүрүйбүт үһү / Говорят, синяя доха весь мир обволокла* [11, с. 23]; *Дьэ үрдүгэр самылыктаах матаҕа сытар үһү / Говорят, над домом залатанная сума лежит* [11, с. 33]. В данных примерах предметный код взаимодействует с пространственным, который направляет к локусу денотатов, а цветовой (*күөх*) и атрибутивный (*самылыктаах*) коды буквально характеризуют признаки загаданного объекта. Репрезентация звезд как множественных отверстий в небесном полотне реализуется и в следующих загадках: *Аана эмээхсин сонун абырабын кыайан абырахтаммат үһү / Говорят, старуха Анна заплаты на шубе своей залатать не может*; *Көйүүр таҕаһы тэһэ сизбитэ баар үһү / Говорят, есть ткань, насквозь изъеденная молью* [11, с. 33].

Многочисленны загадки с использованием метафоры конского убранства (*плоть, кнут – кымньыы; уздечка – уун; поводья – көнтөс; стремяна – иңэһэ*) в паремиях о молнии, грома, облаках, радуге, северном сиянии, а также атрибутов коневодческой культуры якутов (*коновязь – сэргэ; сосуд для приготовления кумыса – сирии иһит; ковши для кумыса – хамыйах*) в текстах о Вселенной, небосводе, свидетельствующих о культе коня в традиционном мировоззрении народа. Релевантность коневодческой деятельности в культуре якутов можно проиллюстрировать примерами загадок о молнии, рассвете и сумерках, солнце, полярной звезде: *Халлаан уола кыһыл көмүс кымньыылаах үһү / Говорят, небесный витязь золотую плоть имеет* [11, с. 50]; *Үрүңнээх хара ат үүннэрэ биир үһү / Говорят, у белого и черного коня одна уздечка* [11, с. 31]; *Улуу сыһы ортотугар көмүс сэргэ баар үһү / Говорят, на середине поля-раздолья серебряная коновязь стоит* [11, с. 26]; *Аан дойду ортотугар көмүс сэргэ турар үһү / Говорят, посреди вселенной золотая коновязь стоит* [11, с. 34]. Отметим, что коновязь как ритуальный предмет, устанавливаемый в период подготовки к празднованию Ысыаха, является мифологемой мирового древа. В якутской мифологии коновязь – это образ вертикальной оси Вселенной Аан Дойду.

В якутских загадках, наряду с антропоморфными и предметными метафорами, в качестве ключевых репрезентируются и зооморфные символы, которые классифицируют космическое пространство и небесные явления. Ввиду многовековых традиций среди зооморфных образов в загадках особенно выделяется образ коня. Тюркологи отмечают, что среди народов Сибири культ коня ярче представлен у якутов. Современные представления народа саха о коне сохранили благоприятное значение этого образа (символ всеобщего блага, богатства, украшение ритуальных предметов конским волосом и т. п.). В олонхо бог-покровитель лошадей Джэсёгёй имеет постоянный образ – конь

из белых облаков на небе. В данной метафоре выявляется универсальная мифологема происхождения человека от лошади. Как утверждает профессор А. И. Гоголев, якутская космогоническая мифология о божестве в образе коня-неба является реликтом индоевропейского сюжета о коне как об олицетворении Космоса [27].

Приведём примеры загадок о туче (*былыт*), радуге (*кустук*), громе (*этиң*) соответственно: *Сур ат сүүрэр да, көлөһүнэ көбөрөөбөт үһү / Говорят, серый конь бежит-бежит, пот с него льет – не кончается* [11, с. 48]; *Дьааһы атын кутуруга мантан көстөр үһү / Говорят, хвост верхоянской лошади отсюда виднеется* [11, с. 31]; *Сонобос атыыр кистээтэбинэ, сир ньиргийэрэ баар үһү / Говорят, когда молодой жеребец ржет – земля гулом наполняется* [11, с. 50]. В первой загадке зооморфный код дополняется функциональным кодом, передающим движение небесного объекта по горизонтали и указывающим на водный характер природного явления, льющегося сверху вниз (дождь). В паремии о радуге зооморфный код дополняется анатомическим (соматическим) кодом, метафорически отождествляя форму загаданного денотата с хвостом лошади. В целом наблюдаются следующие образные сравнения небесных явлений с частями тела животных: рассвет – наполовину белое и черное тело лошади; рассвет и сумерки – ноги лошади.

Л. Л. Габышева отмечает, что «зооморфные символы являются классификаторами пространственных направлений, времен года, гендерных различий и т. п., а также способом объяснения природы человека, социальных отношений» [7, с. 82]. К примеру, в текстах эпоса олонхо последовательно приводится описание трехчастного мира, а в загадках зооморфные образы являются классификаторами пространства, где небо и солнце олицетворяет постоянная метафора коня, луну – светило Нижнего мира – метафора быка. Вызывает интерес тот факт, что в одной паремии солнце репрезентируется посредством образа рыжего быка: *Балабан үрдүгэр күрэх буус баар үһү / Говорят, над избой рыжий бык стоит* [11, с. 26]. Солнце также ассоциируется с образом одинокого пятнистого оленя: *Илин диэкиттэн биир чуобур таба киирэн арбаа диэки баран сүппүт / Одинокий пятнистый олень, с востока на запад уйдя, затерялся* [11, с. 29]. В данных загадках ключевой зооморфный код сочетается с пространственным и числовым кодами, изображающими локус денотата, а также его главенство и единичность в небесном пространстве. Материал текстов якутских загадок отражает реликты древнетюркских представлений о коне-небе, которые сохранились в большей части именно в якутской культуре в сравнении с культурой народов Саяно-Алтая. Кроме метафоры коня, в загадках нами отмечены названия домашнего рогатого скота и птиц.

Заключение

Таким образом, в результате анализа космогонических загадок идентифицированы лексические единицы, репрезентирующие небесное пространство и космические объекты. В качестве ключевых метафор, отождествляющихся с небом и небесными телами, выступают антропоморфный, предметный и зооморфный коды, заключающие в себе глубоко символические образы, связанные с архаичными традициями народа и космогоническими представлениями. В загадках отображается универсальная мифологема вселенной в образе сосуда, коня-космоса, коня-прародителя человека, мирового древа, а природные явления, небо и космос приобретают антропоморфные черты. Предметный и зооморфный коды в якутских загадках актуализируют архаичную картину хозяйственного уклада народа. В целом, якутские загадки могут быть использованы в научных исследованиях как уникальный материал, отражающий мифологическую и поэтическую картину мира якутов.

Загадки, являясь малым, четко структурированным фольклорным жанром, становятся кладью знаний, сохранивших даже в современных реалиях обширную комплексную информацию о национальных традициях и мифологических представлениях.

Л и т е р а т у р а

1. Stefanova, A. Riddles as a community psychological phenomenon in folklore: myths, fairy-tales, personal literature art / A. Stefanova // *Folklore : Electronic Journal of Folklore*. – 2007. – Issue 35. – Pp. 131–142. – URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol35/stefanova.pdf> (дата обращения: 19.08.2022).
2. Taylor, A. English Riddles from Oral Tradition / A. Taylor. – Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1951. – 959 p.
3. Başgöz, İ. Riddle-proverbs and the related forms in Turkish folklore / İ. Başgöz // *Proverbium*. – 1972. – № 18. – Pp. 655–668. – URL: https://www.degruyter.com/database/Mieder/entry/para_499/html (дата обращения: 19.08.2021).
4. Harries, L. Semantic fit in riddles / L. Harries // *Journal of American Folklore*. – 1976. – Vol. 89, No. 353. – Pp. 319–325.
5. Топоров, В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира. Энциклопедия : [в 2 томах]* / главный редактор С. А. Токарев. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – С. 161–166.
6. Kaivola-Bregenhøj, A. Riddles and their use / A. Kaivola-Bregenhøj // *Untying the knot : On riddles and other enigmatic modes* / edited by G. Hasan-Rokem, D. Shulman. – New York & Oxford : Oxford University Press, 1996. – Pp. 10–36.
7. Габышева, Л. Л. Фольклорный текст : семиотические механизмы устной памяти / Л. Л. Габышева. – Новосибирск : Наука, 2009. – 143 с.
8. Köngäs-Maranda, E. Folklore and culture change: Lau riddles of modernization / E. Köngäs-Maranda // *Folklore in the Modern World* / edited by R. M. Dorson. – Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2011. – Pp. 207–218. – Berlin ; New York : URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110803099.207/html> (дата обращения: 21.08.2021).
9. Замалетдинов, Р. Р. Космогонические загадки в лингвокультурологическом аспекте (на материале русских и татарских народных загадок) / Р. Р. Замалетдинов, Н. И. Файзуллина // *Филологические науки в МГИМО*. – 2019. – № 2, Т. 18. – С. 106–112. – URL: <https://philnauki.mgimo.ru/jour/article/view/210> (дата обращения: 10.09.2022).
10. Filippova, V. Cultural codes : Representations about the sky and celestial bodies in Yakut riddles / V. Filippova, S. Filippova // *Agathos: An International Review of the Humanities & Social Sciences*. – 2021. – Vol. 12, Issue 2. – Pp. 61–75. – URL: https://www.agathos-international-review.com/issue12_2.html (дата обращения: 11.09.2022).
11. Ойунская, С. П. Саха таабырыннара. Якутские загадки / С. П. Ойунская. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1975. – 376 с.
12. Лотман, Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров : Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 2000. – 704 с.
13. Мелетинский, Е. М. От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский. – Москва : РГГУ, 2000. – 169 с.
14. Филиппова, В. В. Якутские загадки : семантика и структура : Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / В. В. Филиппова. – Улан-Удэ, 2012. – 187 с.
15. Ten, Y. P. Creative approach to shaping the symbolic system of global culture // *Creativity Studies*. – 2022. – Volume 15, Issue 1. – Pp. 102–115. DOI: 10.3846/cs.2022.12626 – URL: <https://journals.vilniustech.lt/index.php/CS/article/view/12626> (дата обращения: 11.08.2022).
16. Carroll, J. B. Linguistic relativity contractive linguistics, and language learning / J. B. Carroll // *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. – 1963. – Vol. 1, Issue 1. – Pp. 1–20.
17. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под ред. Ю. С. Степанова ; перевод с французского Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат, И. В. Барышевой, И. Н. Мельниковой. – Москва : Прогресс, 1974. – 448 с.
18. Nöth, W. Handbook of Semiotics / W. Nöth. – Bloomington : Indiana University Press, 1995. – 576 p.
19. Левин, Ю. И. Семантическая структура загадки / Ю. И. Левин // *Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст) : Сборник статей*. – Москва : Наука, 1978. – С. 283–315.
20. Соловьева-Ойунская, С. П. Якутские народные загадки. Специфика жанра / С. П. Соловьева-Ойунская. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 112 с.

21. Lieber, M. D. Riddles, cultural categories, and world view / M. D. Lieber // *Journal of American Folklore*. – 1976. – Vol. 89, No. 352. – Pp. 255–265. – URL: <https://www.jstor.org/stable/i223695> (дата обращения: 15.09.2021).
22. Volockaja, Z. M. Struktur und Semantik von Rätseln des Gegenstandsfeldes “Natur” / Z. M. Volockaja // *Semiotische Studien zum Rätsel* / edited by W. Eisman, P. Grzybek. – Bochum : Studienverlag Dr. N. Brockmeyer, 1987. – Pp. 225–245.
23. Georges, R. A. Toward a structural definition of the riddle / R. A. Georges, A. Dundes // *Journal of American Folklore*. – 1963. – Vol. 76, No. 300. – Pp. 111–118. – URL: <https://www.jstor.org/stable/538610> (date of access: 15.09.2021).
24. Серошевский, В. Л. Якуты : Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский – Москва : РОССПЭН, 1993. – 736 с.
25. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : [в 3 томах] / Э. К. Пекарский. – Ленинград : Академия наук, 1959. – 706 с.
26. Кулаковский, А. Е. Научные труды / А. Е. Кулаковский. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1971. – 483 с.
27. Гоголев, А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов : научно-популярное издание / А. И. Гоголев. – Якутск : Издательство Якутского государственного университета, 2002. – 104 с.

References

1. Stefanova, A. Riddles as a community psychological phenomenon in folklore: myths, fairy-tales, personal literature art / A. Stefanova // *Folklore : Electronic Journal of Folklore*. – 2007. – Issue 35. – pp. 131–142. URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol35/stefanova.pdf> (date of access: 19.08.2022)
2. Taylor, A. English Riddles from Oral Tradition / A. Taylor. – Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1951. – 959 p.
3. Başgöz, İ. Riddle-proverbs and the related forms in Turkish folklore / İ. Başgöz // *Proverbium*. – 1972. – № 18. – pp. 655– 668. URL: https://www.degruyter.com/database/Mieder/entry/para_499/html (date of access: 19.08.2021).
4. Harries, L. Semantic fit in riddles / L. Harries // *Journal of American Folklore*. – 1976. – Vol. 89, No. 353. – pp. 319–325.
5. Toporov, V. N. Model' mira (mifopoe'ticheskaya) / V. N. Toporov // *Mify narodov mira. E'nciklopediya : [v 2 tomax] / glavnyj redaktor S. A. Tokarev*. – Moscow : Sovetskaya e'nciklopediya, 1980. – T. 2. – pp. 161–166.
6. Kaivola-Bregenhøj, A. Riddles and their use / A. Kaivola-Bregenhøj // *Untying the knot : On riddles and other enigmatic modes* / edited by G. Hasan-Rokem, D. Shulman. – New York & Oxford : Oxford University Press, 1996. – pp. 10–36.
7. Gabysheva, L. L. Fol'klornyj tekst : semioticheskie mexanizmy ustnoj pamyati / L. L. Gabysheva. – Novosibirsk : Nauka, 2009. – 143 p.
8. Köngäs-Maranda, E. Folklore and culture change: Lau riddles of modernization / E. Köngäs-Maranda // *Folklore in the Modern World* / edited by R. M. Dorson. – Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2011. – pp. 207–218. – Berlin ; New York : URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110803099.207/html> (date of access: 21.08.2021).
9. Zamaletdinov, R. R. Kosmogonicheskie zagadki v lingvokulturologicheskom aspekte (na materiale russkix i tatarskix narodnyx zagadok) / R. R. Zamaletdinov, N. I. Faizullina // *Linguistic & Polyglot Studies*. – 2019. – № 2, T. 18. – pp. 106–112. URL: <https://philnauki.mgimo.ru/jour/article/view/210> (date of access: 10.09.2022)
10. Filippova, V. Cultural codes : Representations about the sky and celestial bodies in Yakut riddles / V. Filippova, S. Filippova // *Agathos: An International Review of the Humanities & Social Sciences*. – 2021. – Vol. 12, Issue 2. – pp. 61–75. URL: https://www.agathos-international-review.com/issue12_2.html (date of access: 11.09.2022)

11. Oyunskeya, S. P. Saxa taabyrynara. Yakutskie zagadki / S. P. Ojunskeya. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. – 376 p.
12. Lotman, Yu. M. Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashhix mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki / Yu. M. Lotman. – Saint-Peterburg : Iskusstvo, 2000. – 704 p.
13. Meletinsky, E. M. Ot mifa k literature / E. M. Meletinsky. – Moscow : RGGU, 2000. – 169 p.
14. Filippova, V. V. Yakutskie zagadki: semantika i struktura : Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk / V. V. Filippova. – Ulan-Ude, 2012. – 187 p.
15. Ten, Y. P. Creative approach to shaping the symbolic system of global culture // Creativity Studies. – 2022. – Volume 15. Issue 1. – pp. 102–115. URL: <https://journals.vilniustech.lt/index.php/CS/article/view/12626> (date of access: 11.08.2022)
16. Carroll, J. B. Linguistic relativity contractive linguistics, and language learning / J. B. Carroll // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 1963. – Vol. 1, Issue 1. – pp. 1–20.
17. Benvenist, E. Obshhaya lingvistika / E. Benvenist ; pod red. Yu. S. Stepanov, perevod s francuzskogo Yu. N. Karaulov, V. P. Murat, I. V. Barysheva, I. N. Mel'nikova. – Moscow : Progress, 1974. – 448 p.
18. Nöth, W. Handbook of Semiotics / W. Nöth. – Bloomington : Indiana University Press, 1995. – 576 p.
19. Levin, Yu. I. Semanticheskaya struktura zagadki / Yu. I. Levin // Paremiologicheskij sbornik. Poslovica. Zagadka (struktura, smysl, tekst) : Sbornik statej. – Moscow : Nauka, 1978. – pp. 283–315.
20. Solovyeva-Oyunskeya, S. P. Yakutskie narodnye zagadki. Specifika zhanra / S. P. Solovyeva-Oyunskeya. – Saint-Peterburg : Nauka, 1992. – 112 p.
21. Lieber, M. D. Riddles, cultural categories, and world view / M. D. Lieber // Journal of American Folklore. – 1976. – Vol. 89, No. 352. – pp. 255–265. URL: <https://www.jstor.org/stable/i223695> (date of access: 15.09.2021)
22. Volockaja, Z. M. Struktur und Semantik von Rätseln des Gegenstandsfeldes “Natur” / Z. M. Volockaja // Semiotische Studien zum Rätsel / edited by W. Eisman, P. Grzybek. – Bochum : Studienverlag Dr. N. Brockmeyer, 1987. – pp. 225–245.
23. Georges, R. A. Toward a structural definition of the riddle / R. A. Georges, A. Dundes // Journal of American Folklore. – 1963. – Vol. 76, No. 300. – pp. 111–118. URL: <https://www.jstor.org/stable/538610> (date of access: 15.09.2021)
24. Sieroszewski, W. L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya / W. L. Sieroszewski – Moskva : ROSSPEN, 1993. – 736 p.
25. Pekarsky, E. K. Slovar' yakutskogo yazyka : [v 3 tomax] / E. K. Pekarsky. – Leningrad : Akademiya nauk, 1959. – 706 p.
26. Kulakovskiy, A. Ye. Nauchnye trudy / A. Ye. Kulakovskiy. – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. – 483 p.
27. Gogolev, A. I. Istoki mifologii i tradicionnyj kalendar' yakutov. Nauchno-populyarnoe izdanie / A. I. Gogolev. – Yakutsk : Izdatel'stvo Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. – 104 p.

ФИЛИППОВА Варвара Васильевна – к. филол. н., руководитель отдела энциклопедистики, Академия наук Республики Саха (Якутия).

E-mail: varvf@yandex.ru

FILIPPOVA Varvara Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Head of the Encyclopedia Department, State Budgetary Institution «Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)».

ФИЛИППОВА Саргылана Васильевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

E-mail: filippova_sargylana@mail.ru

FILIPPOVA Sargylana Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution “M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”.